

Ajgul Kurmangaliyeva, Gulmajra Chumbalova

Специфика постмодернистской поэтики Романа Л. Улицкой "Искренне ваш Шурик"

humanistica 21 2, 361-378

2018

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ajgul Kurmangaliyeva, Gulmajra Chumbalova

Специфика постмодернистской поэтики Романа Л. Улицкой *Искренне ваш Шурик*

Characteristics of post-modern poetics in the novel of L. Ulickaya *Yours sincerely Schuric*

Abstrakt

Ostatnimi laty w światowej kulturze narasta zainteresowanie żeńską prozą, a w szczególności prozą L. Ulickiej, której utwory zostały już przetłumaczone już na dziesiątki języków. Artykuł przynosi przegląd i systematyzację badań żeńskiej prozy w aspekcie postmodernistycznym (G. Nefagina *Rosyjska literatura końca XX stulecia*, N. Leiderman i M. Lipovetski; *Współczesna rosyjska literatura: 1950-1990-e lata*, C. Timina i B. Alfonsów; *Rosyjska literatura XX stulecia. Szkoły, kierunki, metody twórczej pracy* N. Egorova; *Proza L. Ulickoi 1980-2000 – x lat: problematyka i poetyka*, L.V. Safronova, I. S. Scoropanova, V. Kuricyn, K. Schukin, A. Ermakova, G. Puszkar, O. Krizoveckaia, Yu. Zidkova.) Unikalny charakter poetyki powieści L. Ulickiej *Szczerze wasz Szurik* ujawnia się przede wszystkim w kontekście analizy młodego pokolenia w literaturze pięknej drugiej połowy XX stulecia. Na tym szerszym tle wyłaniają się właściwości personalne postaci, a także właściwości żeńskiej prozy żeńskiej widoczne w analizowanym tekście. Badania zostały przeprowadzone z zastosowaniem poststrukturalistycznych metod analizy: kognitywnego i psychoanalitycznego literaturoznawstwa, percepcyjnej estetyki, hermeneutyki, oraz antropologii sztuki.

Kluczowe słowa: postmodernizm, żeńska proza, poetyka, kultura narodowa, narracja

Abstract

Over the past years the world culture has witnessed a growing interest in women's prose and in the prose of L. Ulickaya whose works have been translated already into dozens of languages. The article brings a review and systematization of research on women's prose seen from the post-modern perspective (G. Nefagina *Russian literature of end of the 20th century*; N. Leyderman and M. Lipovecky *Modern Russian literature: 1950-1990's*, Timina

and of N. Alfonsov *Russian literature of the XX century. Schools, directions, methods of creative work*; Egorov *Prose of L. Ulickaya of 1980-2000 th: range of problems and poetics*, L.V. Safronova, I. S. Scoropanova, V. Kuricyn, K. Schukin, A. Ermacova, G. Puschkar, O. Krizhoveckaya, Yu. Zhidcova). Unique character of Ulickaya's novel *Yours sincerely Schuric* comes to light in the context of interpretation of the young generation in the fiction of the second half of the 20th century. Against this broader background the personal traits of characters emerge as well as the essence of women's prose present in the analyzed text. Research is conducted with the use of post-structuralist methods of analysis: cognitive and psychoanalytic literary criticism, perceptual aesthetics, hermeneutics, anthropology of art.

Key words: post-modernism, woman prose, poetics

Проявление постмодернизма в искусстве и литературе имеет свои особенности, да и в различных странах он проявляется со свойственным той или иной культуре специфичным ритмом. Русский постмодернизм за рубежом считают самым авангардным. По наблюдениям Вячеслава Курицына, он «очень часто манифестируется через радикальные, подчеркнута эпатазирующие приемы...». Национальное своеобразие постмодернистского произведения определяют: язык (как первичная семиотическая система), использованный для создания языка литературного; доминирование в тексте деконструируемых цитаций из данной национальной культуры; внимание к проблемам, особо важным для страны, которую представляет данная литература, или непосредственно к национальной проблематике, рассмотренной сквозь призму культурфилософии; национальный склад мышления, тип юмора, иронии и некоторые другие признаки более частного характера.

Свои ритмы действуют и внутри культурных эпох. Ощущение изжитости господствовавших на протяжении культурной эпохи метанарративов способно породить *ситуацию постмодерна*. Особенность постмодернизма в том, что он итожит накопления всех культурных эпох, подвергая в то же время их ценности деканонизации. Возникнув прежде всего как культура визуальная, постмодернизм в архитектуре, живописи, кинематографе, рекламе сосредоточился не на отражении, а на моделировании дей-

ствительности, экспериментируя с искусственной реальностью — видеоклипами, компьютерными играми и т. п. По мнению Маньковской Н.Б. (2000, 11-12) эти принципы работы со *второй действительностью*, теми знаками культуры, которые покрыли мир панцирем слов, постепенно просочились и в другие сферы, захватив в свою орбиту литературу, музыку, балет. Как утверждает Бел, сознание направлено на отрицание всякого рода норм и традиций — этических, эстетических, методологических и т.д., на отказ от авторитетов любого ранга, начиная от государства, великой национальной идеи, моральных парадигм и кончая правилами поведения человека в общении с другими.

Подобный поворот в сознании отражает и соответствующий тип культуры — постмодернизм, имеющий дело не с реальностью естественного или технического мира, а с реальностью мира знаков — текстов культуры. Постмодерное общество, пишет Вольфганг Вельш, *необратимо плюралистично*. Характерной чертой постмодернизма в литературе является множественность прочтений текста. С позиции анализа поэтики именно постмодернистского текста М.Н. Липовецкий отмечает усложненность, многоуровневость структуры современного авторства. Автор не монологичен, авторская истина растворяется в многоуровневом диалоге точек зрения повествователя и скриптора.

Заметно окрашивают постмодернистскую теорию и практику феминистские идеи, модернизированные в духе постструктурализма.

Феминизм, распространившись в России, пустил свои корни и в литературе. Примерно в конце 1980-х — начале 90-х годов появилась женская русская проза. Женская литература представлена именами писательниц-мастеров бытописания — Л.Е. Улицкая, Л.С. Петрушевская, Т.Н. Толстая, В.С. Токарева, Г.Н. Щербакова.

Современные критики признают, что самовыражение женщины в литературе отличается от мужского. По этому поводу Межова в своей статье *Жизнь и творчество Людмилы Улицкой* (Межова: 2014) приводит слова Улицкой, которая считает, что «искусство делится на мужское и женское, мир мужской и мир женский — разные миры. Местами пересекающиеся, но не полностью. В женском

мире большее значение приобретают вопросы, связанные с любовью, семьей, детьми. Мужчина и женщина по-разному воспринимают действительность, их волнуют разные темы».

М.А. Черняк тоже справедливо полагает, что

(...)мысль семейная – основная тема современной женской прозы. В традиции русской классической литературы семья – это нравственная основа человеческого быта и бытия. Мысль семейная, так или иначе, пронизывает практически все произведения XIX века. Век же XX – страшный и трагический – внес свои коррективы в восприятие этой темы. (Алексютина: 2014)

Т.М. Колядич (2005) утверждает, что

(...) женская проза – это направление, сложившееся еще в начале XIX века, и в женской прозе 1840 – 1860-х годов проводилась классификация двух типов: лишний человек в юбке и деревенская барышня. Признаки женской прозы, по убеждению ученого, – это новая проблематика, женщина – главное действующее лицо и носительница авторской идеи, поиск новых отношений в искусстве и жизни и новых приемов их фиксации. Но главное в женской прозе – это учет женской ментальности.

На то, что женская проза как направление современной литературы существует, указывают разнообразные альманахи и сборники, в которых печатаются писательницы.

Писательница В. С. Токарева считает женскую литературу «подобной литературе и существующей около литературы»: «Существует женская литература... Основная тема женского творчества – тоска по идеалу». Это проза, написанная женщинами на женские темы.

Женская русская проза стала новым этапом в литературе, новым ее направлением.

Не женского засилья мы хотим в литературе. Не отделения от литературного процесса, а своего места и обозначения в этом процессе. Не женскими темами заполнить книги и средства массовой информации, а утверждением женских начал мира, добра, милосердия и терпимости», – говорит Л. Васильева (Интернет-ресурс 2).

Это явление ни в коей мере не стремится разделить литературу на мужскую и женскую, а открывает новую грань культуры.

Тексты художественной литературы, авторами которых являются женщины, по мнению С.Ф. Желобцовой (2014, 135)

отражают как реальное положение дел в области отношений между полами, так и разного рода ожидания женщин определенного психического склада, уровня культуры, их представления об этических и эстетических нормах, житейские взгляды и предпочтения, патологические комплексы и др.

Критик В. Киляков считает основной приметой современной женской прозы то, что сюжет произведения трудно пересказать, в нем отсутствуют фабула и замысел, всем повествованием руководят только чувства, их надрыв от невыносимости жизненного бытия. Конечно, и до этого времени в русской литературе были женщины-писательницы, но никогда именно проза не была такой надрывной. (Интернет-ресурс: 2, 1)

Исследовательница Г.Г. Писаревская, рассмотрев произведения Петрушевской, Токаревой, Толстой, выявила общие мотивы в женской прозе: одиночества, богооставленности, разлада мечты и действительности, бегства от действительности, поиска ложных идеалов. По мнению критика, герои всех трех писательниц живут в придуманном иллюзорном мире и не могут вырваться из предначертанной судьбой замкнутого круга. (Интернет-ресурс: 2, 1)

Рассказы Л.Е. Улицкой напоминают философские притчи, герои ее произведений — *маленькие люди*, старики, больные, дети, уверенные в том, что все происходящее с ними, даже кажущееся несправедливым, откроет им истину. Автор следит за тем, как обстоятельства влияют на человека, что они делают с ним и его личностными качествами. Улицкая, как она сама замечает, не придерживается задачи отражать современность. Жизнь тяготит ее героев, но они учатся преодолевать препятствия с достоинством, сохраняя в себе все лучшее, хотя в них происходит переоценка прежних ценностей. Это люди, которые сродни

шукшинским *чудикам*, непонятные обществу. Улицкая не осуждает своих героев, не морализаторствует и не подводит итог происходящему — ей свойственна эмоциональная сдержанность. Все это позволяет критикам называть ее рассказы *натуральными зарисовками психологической природы человека*.

Творчество Л.Е. Улицкой стало одним из ярких явлений современной русской прозы. В поле зрения литературных критиков творчество Л. Улицкой попало в 1990-е годы. Именно тогда произведения писательницы стали предметом активного обсуждения в критических статьях, а также в различных интернет-форумах. Специальные исследования были посвящены анализу малой прозы писательницы, романов, отдельные работы затрагивали проблему героя, стилевые особенности ее прозы. Рассматривались и такие частные проблемы, как неомифологизм романного творчества Улицкой, способы организации художественного пространства, проблема генетических связей писательницы с предшествующей традицией. Обзор ее творчества дается в учебных пособиях по современной русской литературе: *Русская проза конца XX века* Г.Л. Нефагиной, *Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы* под редакцией С.И. Тиминой, В.Н. Альфонсова, *Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы* Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого и др.

Исследователи вывели парадокс творчества Л. Улицкой, с которым трудно не согласиться: обращаясь к простенько-примитивному (традиционному материалу сентименталиста), сворачивая описание практически до пунктирных линий, она соединяет пунктиры в одном и создает сложно-оригинальное — выявляет оригинальный, неповторимый и яркий рисунок российской действительности.

Среди романов Л. Улицкой *Искренне Ваш Шурик* является легкочитаемым, легковоспринимаемым, богатым на женские образы разных поколений, которые тем или иным образом связаны с главным персонажем Шуриком. Само название романа дает подсказку, что главным образом-персонажем [по концепции В.В. Савельевой] или ге-

роем (как его называет исследовательница Безматерных и др.) является Шурик. Он уже с детства приобретает привычку *быть правильным*, послушным, *хорошим мальчиком*, оправдывать надежды бабушки и матери, которые лишают его свободы выбора, решая все за него. При описании бабушки и матери, с помощью которых шире раскрывается образ Шурика, автор не скрывает иронии

...и воровским взглядом цепляли девочек [Вера и Елизавета Ивановна]. ...Обе они пришли к единому мнению, что девчонки чудовищно невоспитанны. Звуки, как на вокзале в очереди, а интеллигентные, кажется, девочки, – вздохнула Елизавета Ивановна... – но всё-таки какие-то прелестные... милые... Да что ты, мамочка, тебе показалось. Они ужасно вульгарные.

В кратком описании романа дается такая картина: Герой романа *Искренне Ваш Шурик* – яркий персонаж в галерее портретов Людмилы Улицкой. Здесь, по словам автора,

локальная проблема взаимоотношений сына и матери, подчинение человека чувству долга и связанные с этим потери. Оттенки любви – эгоистической материнской, бескорыстной сыновней, своего рода инцест на духовном уровне, а также целая галерея чувств разнообразных женщин – одиноких, несчастных, легкомысленных, часто агрессивных к герою, который полон доброжелательности и самых лучших намерений, но никого не может сделать счастливым. И даже напротив». (Улицкая: 2006)

Сама автор так характеризует своего персонажа:

младенец играл лицом, какие-то разрозненные выражения сменяли друг друга: лобик хмурился, губы улыбались. Он не плакал, и было непонятно, хорошо ему или плохо. Скорее всего, ему было происходящее удивительно....

Может быть, одним из ключей для понимания образа Шурика является следующее:

Он был любимым внуком и любимым учеником Елизаветы Ивановны, но также жертвой её прямолинейной педагогики: с ранних лет он был приучен к мысли, что он,

Шурик, очень хороший мальчик (Интернет-ресурс: 1, 1).

Примечательно, что в рецензии на роман Л. Е. Улицкой *Искренне Ваш Шурик* Анна Кузнецова замечает, что «всем героям ставится быстрый диагноз, и дальше с ними все происходит исключительно в рамках предварительного заключения». (Кузнецова: 2004) Шурик – хороший мальчик. Это диагноз. Его главное занятие – доставлять всем лекарства.

Первым делом Шурик выложил на стол справку и лекарство. Когда она вернулась из сеней, где стояла у нее керосинка, неся сковороду жареной картошки, он спал, уронив голову на сложенные по-школьному руки.

Диагноз Матильды, поставленный ей как раз в это трудное для женщины время безжалостной писательницей, звучит так:

Но тетка, нелюбимая Матильдина тетка, наотрез отказывалась: пусть Матрене дом пойдет, если я чужим дом отпишу, наш род здесь вовсе переведется. А Матрена городская, богатая, не дура, она дом сохранит... Там, в деревне, назвали ее настоящим именем, которого она с детства стеснялась, и, перебравшись в город, назвалась Матильдой...

Истории по ходу жизни романного Шурика возникают внезапно и вырастают, казалось бы, из ничего. Стоит Шурику зайти, например, на почту – как вырастает из-под земли роковая Светлана, одержимая самоубийством, которой он не только посылку с зубом мамонта донесет до самого обеденного стола, но и даст отведать целебного корня. Мурзик носит фамилию Корн и записана дочерью Шурика. Это он так помог Лене выпутаться из сложного положения, нечаянно попав к ней на день рождения и причастившись горьких женских слез: из общаги, беременную, выпирают, на квартиру, безмужнюю, не берут, домой не пускают, и даже парень, который когда-то из-за нее вешался, ребенка-негра, о котором предупредила его *по-своему честная* Лена, убоялся. Фиктивный брак и поездка в Сибирь, чтобы сфотографироваться на пороге роддома для полного благополучия в партийной семье, а также немного неисся-

каемого корня для хорошего сна уладили и эту историю. Есть в романе истории боковые, самозамкнутые, независимые от главного героя и неизлечимые при помощи его универсального снадобья. Нужные скорее для романного объема. И все герои, в общем-то, смешные и милые, они как поликлиническая очередь в регистратуру в семь утра, от которой никуда же не денешься: надо всем им помочь, всех записать — вот вам и книжка. Толстая. Читайте... Потому что врачебное заключение, после которого, казалось бы, читать уж незачем, всем им вместе дано довольно скоро после начала книги объемом в 448 страниц, на с. 132: «Но самое нестерпимое было в том, что никто ни в чем и виноват-то не был... Так получилось». И так в этом объясняющем все случаи жизни режиме роман скачет по кочкам-частностям и уходит в бесконечность.

Раскрыв в финале романа сущность сына, Вера оценивает её следующим образом:

...Это ужасный цинизм. Плотские отношения имеют свои оправдания в духовных, а иначе человек ничем не отличается от животного.

Но в то же время Вера осталась довольна такой ситуацией. «Его слабости рождали снисхождение к нему и его бедному поколению, лишённому высоких понятий... Поколение Шурика (Лиля Ласкина, Лена Стовба, Аля Тогусова, Сережа Гнездовский, Асмалазян и др.) на наш взгляд предстает перед читателем легкомысленным, предпочитающим временные ценности, идущим на жизненно важные шаги без серьезных обдумываний. Так, Аля, попав под машину, находит себе жениха-милиционера, которому надо жениться, чтобы получить квартиру. Фиктивный брак Шурика с Леной, усыновление им дочери Стовбы. На вечеринке у Гии «подозрительная толстенная карлица с сияющим плоским личиком», которая утром «неопределенно улыбнулась» ничего не помнящему Шурику, отчего в душу Шурика «смутное подозрение закралось на мгновение». Ой, чует мое сердце, нечистое это дело с карлицей! Дай бог, чтоб я ошибся! А то уж совсем...

Постмодернисты удовлетворяются осознанием нигилизма», деконструкции внешнего мира, говоря о разру-

шении внешнего мира, одновременно имеют в виду и полное уничтожение внутреннего мира. (Богданова, Кибальник, Сафронова: 2007, 5). Так, на наш взгляд, Л.Улицкая, характеризуя поколение Шурика в романе, дает яркий пример распада внутреннего мира.

В своей записной книжке Лиля Ласкина, уже будучи сформировавшейся женщиной, замечает: «Но вообще в нём есть что-то особенное – он как будто немного святой. Но полный мудака. Господи, как же я была в него влюблена! Чуть не осталась из-за него. Какое счастье, что я тогда уехала. А ведь могла выйти за него замуж! Бедный Шурик». Словосочетание *бедный Шурик* является знаковым для образа главного героя. «На шахматной доске в строгом порядке расставлены «сильные» и «слабые», достойные жалости и умеющие жалеть», – пишет в своей рецензии Ян Александров [tree_new/cult paper/article.jsp]. В конце концов, умеющий жалеть Шурик («он умел жалеть женщин: и девочку Марию, и “старую дуру” Матильду. “Жалость, опускаясь вниз, претерпевала какое-то тонкое и постепенное изменение...») сам оказывается достойным жалости.

Л. Куклин пишет, что Л. Улицкая – *писатель сузубо бытовой*, «работник Природы, Натуры, *натуралист* в самом полном, исчерпывающем смысле этого слова» (Куклин: 2003). Писательница, по мнению Л. Куклина, относится к своим персонажам, как к «биологическим объектам», они у неё «растения». Секрет её читательского успеха заключается, по мнению автора статьи, исключительно в «теме ума, гонений, унижений, страданий» (Куклин: 2003 177). Аналогичную точку зрения высказывает О. Рыжова.

Более объективные подходы к анализу произведений Л. Улицкой представлены в работах исследователей С.И. Тиминой, В.Я. Скворцова и А.И. Скворцовой, Е. Щегловой и др. Е. Щеглова справедливо замечает, что «Л. Улицкая подкупала и подкупает не просто интересом к человеческой личности, а состраданием к ней - вовсе делом в нынешней литературе нечастым» (Щеглова: 2003, 185). С.И. Тимина отнесла Улицкую «к разряду таких писателей, которые даже в страшные времена не боятся поместить смятенную и попираемую, но всё же бесконечно сильную

человеческую душу в центр создаваемого ими мироздания». Писательской личности Л. Улицкой свойственны проявления глубинного интереса к эволюционным процессам, историзм мышления, переосмысление историко-культурных мотивов и стихии современности. При всем отличии поэтических индивидуальностей Л. Улицкой и Анны Ахматовой есть большой соблазн обнаружить их эстетическое сближение на системном уровне, — подчеркивала С. И. Тимина.

В прессе высказывают гипотезу, что Шурик не кто иной, как герой нашего времени. Наталья Богомолова пишет:

...герой нашего времени сохранился. Это по-прежнему *лишний человек*, почти без фамилии, бастард, дитя внебрачной любви. Прежде мы изучали интеллектуала — плейбоя Евгения Онегина, опытного малого, холодного и циничного. Затем Печорина, представлявшего собой некую концентрацию Онегина. Его более жесткий и безжалостный вариант. Наш современный герой в романе Улицкой — Шурик Корн-Левандовский не то, чтобы бледная тень предыдущих, а суть их продолжение. ... Миром не сегодня - завтра станет управлять женщина, вот согласится ли Бог с таким раскладом, ведь Он так рассчитывал на Адама. Но Адам ныне превратился в Шурика. (culture/2004: 12).

Приводя это высказывание в пример в своей работе Е.А. Безматерных не разделяет мнения о том, что Шурик — герой нашего времени и далее пишет, что каждый в произведении находит что-то именно для себя и, что для нее основная идея заключается в следующем: нужно чувствовать границу, отдавая себя людям.

По мысли С. Чернодьялова, заострение художественного на формировании героя принадлежит сфере метода, а современное отвержение метода ведет за собой и отрицание героя и героики. Нынешний писатель — инженер текста, и героика у него очень прагматичная, приземленная. Персонаж все более деперсонализируется и деиндивидуализируется. (Л.В. Сафронова. Автор и герой в постмодернистской прозе, с. 32)

О своих писательских принципах Людмила Евгень-

евнаУлицкая выразилась так:

Я отношусь к породе писателей, которые главным образом отталкиваются от жизни. Я писатель не конструирующий, а живущий. Не выстраиваю себе жесткую схему, которую потом прописываю, а проживаю произведения. Иногда не получается, потому что выхожу совсем не туда, куда хотелось бы. Такой у меня способ жизни.

При этом в погоне за сюжетом писательница не использует все средства, а, напротив, проявляет изрядную деликатность:

Есть несколько историй в моей жизни, которые очень глубоко меня тронули, но я никогда об этом не напишу. Потому что это может сильно ранить и даже изменить жизнь близких людей...

О творчестве в целом она говорит так:

Мой муж, художник Андрей Красулин, внушил мне нечто очень важное по этому поводу. Все великие художники Возрождения были ремесленники. Умели тереть краски, строгать, лепить, шлифовать, точить. То есть обладали огромной суммой навыков. И все великие шедевры - презренная заказная работа. Но! Эта сумма навыков дает огромную свободу. Свободу высокого качества, которая не есть свобода ребенка, который не знает еще законов, а свободу взрослого человека, знающего канон и имеющего право нарушить его сознательно, созидательно, творчески. Это идеал профессионализма - ремесло в сочетании со свободой... (Щеглова: 2008).

Обзор критической литературы показывает, что творчество Л. Улицкой находится на самой начальной стадии изучения, что критическим разборам и литературоведческому анализу подвергались не все произведения. Не изученным остается значительный пласт прозы Л. Улицкой — талантливой писательницы, чье творчество по праву является важной составляющей современного литературного процесса.

Позитивно отзываясь о творчестве Л. Улицкой западная славистика. Французские рецензенты, называя ее прозу «исповедальной», отмечают, что «она чутко улавли-

вает нюансы человеческой природы и, облекая их в прихотливые одежды яркого и точного языка, возвращает читателю. Творческая фантазия писательницы – продолжение собственного опыта, совершенно оригинального и тем не менее близкого многим. Её героини владеют особым языком, сохранившим изумительную буквальность, охраняющим первоначальный смысл слов» (Цит по: Русская писательница в норвежском интерьере: интервью с Улицкой: 2007, 15).

Таким образом, роман *Искренне Ваш Шурик*, который охватывает три поколения (Елизавета Ивановна, Вера и Шурик), так же как и многие другие произведения писательницы, несомненно, имеет эмоциональную окраску. Роман интересен многочисленным читателям, критикам, исследователям, что является подтверждением повышенного интереса к творчеству Л.Е. Улицкой и, вообще, к женской прозе. Хотя роман *Искренне Ваш Шурик* имеет столько интерпретаций, сколько и реципиентов, одно можно с уверенностью сказать, что роман затрагивает вечные темы: любовь, отношения между мужчинами и женщинами и читается легко, так как написан языком, богатым на меткие сравнения, ироничные описания, свойственными только ей, ее стилю. У нее отсутствуют развернутые портретные характеристики персонажей, она использует портретные детали. Автор тонко чувствует мельчайшие детали как внешнего, так и внутреннего мира людей, она наделила своих персонажей умением чувствовать, жалеть, сострадать, утешать. Все персонажи умеют любить искренне, Шурик, несмотря на то, что в конце сам удостаивается жалости, все-таки умел любить, жалеть, заботиться о других, мог быть милым и трогательным, как отметила Лиля в своем дневнике «Шурик – трогательный, сил нет...». Но, помогая другим, жалея женщин, даря им свою любовь и заботу, он упустил свое время. Стоя перед зеркалом, заметив седину, жалел ли он об утраченном времени или он намеренно служил другим, пожертвовав свое время, чтобы обрести внутреннюю свободу, жалел ли он о несостоявшейся любви или намеренно делил свою любовь для всех желающих быть любимыми женщин, задумывался ли о неисполненных мечтах и были ли у него мечты, такую ли он жизнь хо-

тел прожить?! Автор не дает читателю развязку, разрешения ситуации, разгадки мыслей Шурика, у каждого реципиента разгадка своя.

Из любовных историй, центром которых является Шурик, из деталей соткано единое полотно. А ведь каждая история могла стать отдельной повестью. В творчестве Л. Улицкой встречаются прямая и косвенная формы психологизма. В использовании прямой формы психологизма проявляется влияние классической литературы на творчество писателя (в одном из интервью *Российской Газете*

Л. Улицкая отмечает, что для нее большое значение имеет творчество Л.Н. Толстого). Использование косвенной формы объясняется, вероятно, стремлением не напрямую показать психологическое состояние, – а обозначить его штрихами. Как определил исследователь И. В. Страхов:

Основные формы психологического анализа возможно разделить на изображение характеров *изнутри*, то есть путем художественного познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения и *извне*, выражающийся в психологической интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления психики» (Страхов: 1981). Эти формы психологизма называют соответственно прямой и косвенной.

Литературоведы называют прозу Л. Улицкой «прозой нюансов», отмечая, что «тончайшие проявления человеческой природы и детали быта выписаны у нее с особой тщательностью». В этом заключается главная особенность её писательской манеры: она не спешит развивать сюжет, не придумывает замысловатых поворотов, останавливая внимание читателя на том, что для неё важнее всего – на человеке, его переживаниях, его проблемах, на первый взгляд кажущихся мелкими и незначительными. Однако из этого мелкого и незначительного в произведениях Улицкой складывается жизнь.

Д. Фернандез рассматривает творчество Л. Улицкой как литературу, которой удалось проникнуть в сердце. По мнению С. Моузе, главная тема рассказов писательницы – любовь:

Все происходящее между людьми или относящееся к человеку, его личности у Л. Улицкой выражает через любовь. Она (любовь) вносит в реальную жизнь другую, которую сама создает (Mouze: 2002, 10).

Рецензируя сборник *Сквозная линия*, немецкий критик К. Обермюллер отметил преемственность творчества писательницы:

Истории, которые рассказывает Л. Улицкая, едва ли возможно осмыслить вне русской литературы. Автор, изображая абсурдность постсоветских будней, представляет это не только виртуозно – она блестяще импровизирует литературными традициями (Obermuller: 2003, 23).

Итак, специфичностью поэтики *Искренне Ваш*

Шурик является то, что роман восходит к историческим истокам. Так, Лиля Ласкина является историческим лицом – известной французской артисткой русского происхождения. Роман выстроен на стыке традиций реализма и постмодернизма, автор использует прием, характерный для постмодернистской эстетики – иронию. В романе *Искренне Ваш Шурик* прослеживается связь с изобразительным искусством (при знакомстве Шурика с Матильдой с подробностями описывается среда художников). *Интермедialность* является устойчивой особенностью поэтики прозы Л.Е. Улицкой. Наследуя чеховскую манеру повествования, технику портретирования, автор внимателен к психологическим деталям и другим способам выражения авторской оценки. Психологизм является особым приемом, формой, позволяющей верно и живо изобразить душевные переживания. Произведения Л. Улицкой являются своеобразной летописью человеческой жизни.

Так как постмодернистский текст реализует множественность смысла и предполагает множественность равноправных интерпретаций, то лишь совокупная множественность интерпретаций способна приблизить нас к постижению смысловой множественности. Постмодернистский текст не может быть исчерпан, он открыт в бесконечность означающего.

В последнее время, как утверждает В. Курицын, всё

чаще наблюдается порой чрезмерное возрастание роли периферийных смыслов, что уже говорит об изживании постмодернизмом самого себя и становлении нового концепта.

Традиционно в русской литературе внимание писателей к человеку искусства усиливается в кризисные, переломные моменты истории. Это обусловлено тем, что творческий человек наиболее восприимчив к социальным переменам, он пытается противопоставить им те незыблемые нравственные ценности, которые сохранены человечеством в произведениях культуры и искусства, но ему же сложнее адаптироваться к реалиям нового быта. Кроме того, как считает Н. Старосельская, художник – это особое мироощущение, своего рода философия, глубоко «индивидуальное восприятие мира и его обитателей» (Егорова: 2012). К творчеству Л.В. Улицкой с каждым годом нарастает интерес как читателей, так и исследователей. Множественность и неоднозначность взглядов к ее произведениям говорит о равнодушии к ее творчеству. Она, несомненно, является художником, творцом, художником, который по ее же мнению должен быть свободным (*ремесло в сочетании со свободой*).

По утверждению К.Г. Юнга, творец в качестве художника есть свой труд, а не человек. Каждый творчески одаренный – это некоторая двойственность, синтез парадоксальных свойств. Искусство дано художнику как инстинкт, который им овладевает и делает его своим оружием.

Библиография

Роман:

Улицкая, Л. 2006. *Искренне ваши Шурик*. М.: Эксмо,

Монография:

Сафронова, Л. 2007. *Автор и герой в постмодернистской прозе*. Монография: Спб, 237с.

Маньковская, Н. Б. 2000. *Эстетика постмодернизма*. 347с., СПб: Алетейя,

Статья в сборнике статей:

Сафронова, Л. 2011. *Постнеклассическая наука и философия и проблема литературного героя (персонажа)*. КазНПУ им. Абая.

Статья в сборнике статей:

Савельева, В. 1996. *Художественный текст и художественный мир: проблема организации*. Алматы.

Колядич, Т. 2005. *Тенденции развития современной женской прозы*.

Учебное пособие:

Богданова, О. 2007 Кибальник С., Сафронова Л. *Литературные стратегии В. Пелевина*. 123с., СПб

Учебное пособие:

Скоропанова, И. 2001. *Русская постмодернистская литература*. М.: Наука.

Учебное пособие:

Желобцова, С. Ф., Барашкова, С. Н., Желобцов, Ф. Ф. 2014. *Современная женская проза*. Якутск: 170 с.

Интернет-ресурсы:

Интернет- ресурс 1. Вера, Елизавета Ивановна, Людмила Улицкая и Шурик http://studbooks.net/644564/literatura/vera_elizaveta_ivanovna_lyudmila_ulitskaya_shurik

Межова, А. 2014 *Жизнь и творчество Л. Улицкой*, с. 3, <http://www.microarticles.ru/article/ljudmili-ylitskoj.html>

Нарижный, Ю. 2014 *Философия постмодернизма*, с. 1, <http://postmodern.in.ua/?p=1695>

Алексютина, В. 2014. *Мотивные комплексы, воплощающие тему семьи в рассказах Л. Улицкой* <https://cyberleninka.ru/article/n/motivnye-kompleksy-voploschayusche-temu-semi-v-rasskazah-l-ulitskoj>

Егорова, Н. 2014 . *Проза, Л. Улицкой 1980-2000 – х годов, 2012* <http://ru.convdocs.org/docs/index-103211.html>

Страхов, И. 1981 *Научно-исследовательская работа кафедры психологии Саратовского Педагогического института*, <http://search.rsl.ru/ru/record/01001048424>

Щеглова, Е. 2008 *Великий мастер нюансов*. <http://bigbook.ru/articles/detail.php?ID=4098>

Кузнецова, А. 2004. *Поступай с другими так, как ты хочешь поступать с другими*. Нева№10, <http://magazines.russ.ru/neva/2004/10/ku18.html>

Интернет - ресурс 2. Русская женская литература как явление конца XX века http://lit-helper.com/p_Russkaya_jenskaya_literatura_kak_yavlenie_konca_veka_L_E_Ulickaya_L_S_Petrushevskaya_T_N_Tolstaya_G_N_Sherbakova

Ajgul Kurmangaliyeva,
Kazachski Narodowy Uniwersytet Medyczny Imienia S. Asfendzizarowa
ul. Tole bi 88, 050012 Ałmaty / Kazachstan
E-maila: aigul_aman@bk.ru

Gulmajra Chumbalova
Kazachski Narodowy Uniwersytet Medyczny Imienia S. Asfendzizarowa
ul. Tole bi 88, 050012 Ałmaty / Kazachstan
E-maila: info@kaznmu.kz